

ЖК 6316

ISSN 0131-6117

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

4 РУССКАЯ РЕЧЬ 1985

4 РУССКАЯ РЕЧЬ 1985

ИЮЛЬ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

АВГУСТ

В НОМЕРЕ:

В. В. Кусков. Сражающееся «Слово»	3
<i>К 800-летию «Слова о полку Игореве»</i>	
В. Л. Виноградова. Ворон в «Слове о полку Игореве»	8
В. И. Тищенко. Плач Ярославны	15
О. П. Охрименко. К. Д. Ушинский и «Слово о полку Игореве»	21

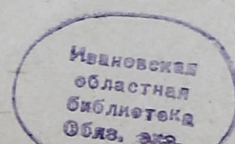
ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М. Ф. Мурьянов. Об одном шедевре пушкинской любовной лирики	24
А. А. Лацис. Запятые, которых не было	29
Е. В. Белая. Афоризмы и размышления А. С. Пушкина	33
Н. Г. Константинова-Витт. «Зачем потух, зачем блистал...» (Смещенные противопоставления в лирике А. С. Пушкина)	40
В. Г. Долгушев. Вятская элегия (Диалектизмы в прозе П. Л. Яковлева)	46
Р. Г. Кадимов. О соотношении звука и смысла в поэзии В. Маяковского	51
М. В. Горбаневский. «Мне имя — Марина...» (Заметки об именах собственных в поэзии М. Цветаевой)	56
Л. П. Черкасова, Е. П. Карпенко. Цветопись в прозе Ю. Нагибина	65
О. Н. Панченко. «Призыв охрипшей полковой трубы...»	69

КУЛЬТУРА РЕЧИ

И. Н. Горелов. На что обиделся Максим Максимыч? (Заметки о культуре общения)	77
--	----

148.299.

ОБРАЗ трубача, возвещающего об опасности, которая грозит Отечеству, зовущего в бой, имеет давнюю традицию в мировой литературе. Его корни уходят далеко в средневековый героический эпос. В русской поэзии словосочетание «трубы трубят» встречаем уже в «Слове о полку Игореве».

Позднее слова-образы *трубач* и *труба* приобретают в русской романтической лирике, в военной героической поэзии XIX века, а затем и в поэзии XX века роль символа, олицетворяющего ратный подвиг, состояние высшего напряжения сил, душевного непокоя.

В советской поэзии эти слова-образы живут со дня ее рождения. Их реальной жизненной почвой стала героическая действительность первых лет Советской республики, «романтика боя» (М. Светлов) гражданской войны. Читателям поэзии 20—30-х годов хорошо памятли эти образы, окрашенные высоким пафосом.

И внезапно
Походные трубы
Затрубят на Запад.
.....
Товарищ, пора бы,
Чтоб песня взлетела
От штаба до штаба!

Так писал в 1927 году М. Светлов в стихотворении «Перед боем». Затем это слово-образ

«Призыв
охрипшей
полковой
трубы...»

использует Э. Багрицкий в поэме о верности революционным традициям «Смерть пионерки» (1932):

Трубы. Трубы. Трубы.
Подымают вой.
Над больничным с/
Над водой озер,
Двигутся отряды
На вечерний сбор.

Сегодня, в год 40-летия Победы, вспоминается лирика молодых поэтов, не пришедших с фронтов Великой Отечественной войны. Истоки их творчества связаны с романтической традицией 20—30-х годов. Однако, переосмыслив художественные достижения предшественников, поэты-фронтовики пошли дальше, по пути освоения жизненного материала.

Наблюдения над лексикой, синтаксисом и ритмикой стихотворных текстов поэтов-фронтовиков свидетельствуют о развитии поэтики «лобастых мальчиков невиданной революции» (П. Коган) от книжного романтизма к реалистическому мироощущению — к реалистической детали, конкретности образа.

Я романтик —
Не рома,
Не мантий,
Не так.
Я романтик разнапоследних атак! —

писал М. Кульчицкий о мироощущении своем и поэтов-сверстников.

Павел Коган, Николай Майоров, Михаил Кульчицкий, Георгий Суворов, Арон Кошштейн, Николай Отрада — все они принадлежат к поколению тех, кто, по словам одного из них — Н. Майорова, ушел «не долюбив, не докурив последней папиросы». Лишь постертно, в начале 60-х годов, появились их книги и стихотворные публикации.

Остановимся на некоторых стихотворениях П. Когана и Н. Майорова, в которых присутствует образ трубача. В творчестве обоих поэтов этот образ приобретает как бы сквозной характер. У П. Когана он возникает в «Стихах о ремесле», в стихотворениях «Последнее», «Я в меру образован, и я знаю...» и «Письмо». В лирике Н. Майорова он встречается и в ставшем программным для поэта стихотворении «Мы», и в одном из последних — «Нам не дано спокойно сгнить в могиле...»

Павел Коган знаком широкому читателю как автор «Бригантины», Стихотворение «Последнее» (1937) было написано им на

год раньше. Оба эти произведения близки по своей поэтике, наполненной образами стивенсоновско-тринговской романтики. Их сближает между собой также тема прощания перед военным походом и перед отплытием. В строках «Последнее» поэт разрабатывает чисто лирическую тему, выстраивая стихотворение, как обращение к любимой:

Не надо. Уходи. Не больно.
А сердце... сердце — ерунда.
И не такой. Простой и вольной,
Большой запомню навсегда,
. . . . .
А если вновь потянет дымом
И трубы грозы пропоют,
Прочту стихи. Прощусь с любимой.
Пойду в Испанию мою.

В этом монологе лирического героя отчетливо прослеживается влияние романтической поэзии. Романтическое «поле» создается всей лексикой, взаимодействующей в тексте стихотворения: *сердце — якорь* (корабля) — *сон — дым — трубы — грозы — стихи — прощусь*. Здесь нет *трубача*, но есть его инструмент *труба*, введенная в метафорический контекст. «И трубы грозы пропоют», — пишет П. Коган, связывая представленный метафорой образ *трубача* с традиционным в романтической поэзии разных времен *кораблем*.

В некотором противоречии с романтическим настроением, создаваемым на лексическом уровне, находится синтаксический строй стихотворения. Расчленение фразы («Не надо. Уходи. Не больно») придает стиху интонацию живой разговорной речи. Говоря об Испании, поэт вводит тему, связанную с реальной жизнью 1937—1939 годов, с надвигающейся на мир опасностью фашизма.

«Стихи о ремесле» (1939) П. Когана — это, условно говоря, монолог «о поэте и поэзии», о своем призвании:

Поговорим о нашем славном,
О настоящем ремесле,
Пока по заводам и плавням
Проходит время, стелет след..
. . . . .
О, Бонапартова дорога!
...Гони коней! Руби! Руби!
От Нарвы до Кривого Рога
Трубач, отчаявшись, трубит.
Буря над диким бездорожьем,
Да волчьи звезды далеки...

По ассоциации с Бонапартовой дорогой далее в тексте появляются герой войны 1812 года Денис Давыдов, «гусарская пирушка» и своего рода реминисценция из стихотворения самого Д. Давыдова «Бурцову».

Концовка стихотворения проясняет его начало, обращение поэта к историческому пласту — войне 1812 года и к интонации песни:

О ремесле высоком — песни
И сабли — ясном ремесле.

Песня и сабля — характерная для поэтики 30-х годов перифраза: за «песней» стоит поэзия, а за «саблей» — бой, битва, война. Образ воина-трубача вписан в исторический контекст и ассоциирован автором с сутью ремесла, определяемой им как «песня и сабля».

В этом стихотворении еще главенствуют не жизненные реалии, а литературные и исторические ассоциации. Однако стихотворение динамично, благодаря активному употреблению глагольной лексики, и, в частности, глаголов движения (*проходит* время, *гонят* коней, *гонят* рысью, *приезжай* ко мне домой), слов, связанных с темой дороги (*дорога, бездорожье, леса, степь, поле, придорожные огни*), резкой смене синтаксического построения фразы: «Обернись невестой, что ли, / милой юностью взгляни! / Поле, поле, поле, поле! / Придорожные огни!.. / «А ну!» / Коней за буераки во мрак ведет передовой». Изменяется длина стихотворной строки, чередуются стихотворные размеры (ямб — хорей — ямб), и, кажется, ход коня с рыси меняется на галоп.

Образ *трубача* появляется также в стихотворении П. Когана, написанном в год появления «Бригантины». Первые шесть его строк заключают, собственно, спор поэта с романтическим взглядом на мир:

Я в меру образован, и я знаю,
Что в розовых раковинах шумит не море,
А просто стенки раковин вибрируют.
Но что мне делать со своим сердцем,
Если я не знаю, шумит оно от простора
Или вибрирует — мертвая раковина.

Следующие строчки представляются, на первый взгляд, внутренним преодолением этого спора:

Но в день, когда, как пьющие птицы
Подымают к небу вороненные клювы,
Трубачи подымут свои фанфары,
Мне это станет совершенно безразлично.

Однако упоминание о трубачах, поднимающих фанфары, и сравнение их с пьющими птицами сохраняют романтический настрой. К тому же в самом значении слова *фанфары*, имеющего итальянское происхождение, есть семантический элемент — «торжественность».

«Гасят» романтический пафос, «заземляют» его три последние строки:

Весна. И над городом проливное солнце.
И я опять заболел старым недугом —
Острым восприятием пространства.

В них поэт предельно лаконично объясняет свое состояние читателю, используя при этом узуальную метафору (ср.: заболел коллекционированием марок, поездкой в Крым и т. д.).

В этом стихотворении намечается вполне определенный переход от романтического восприятия мира к реалистическому. Романтическое «поле», вмещающее *розовые раковины, сердце, трубачей, фанфары* и развернутое сравнение, противопоставлено «полю» реалистическому. Это создается не отдельными лексемами и словосочетаниями, а целыми синтаксическими блоками: «Я в меру образован, и я знаю, что... стенки раковин вибрируют». Такое синтаксическое построение является узуальным, включающим книжные грамматические формы и лексемы из сферы науки, области точного знания.

Реалистическое восприятие пространства отражается и на ритмическом уровне стихотворения: оно написано белым стихом, который оказывается ближе к живым интонациям и ритму разговорной речи, чем стих рифмованный.

Наконец, одно из последних, судя по датам, стихотворений «Письмо» (1940). По композиции оно представляет письмо, обращенное к другу:

Вот и ты,
товарищ красноармеец
муззвода,
Воду пьешь по утрам из заболоченных
речек

А поля между нами,
А леса между нами и воды.
Человек ты мой,
Человек ты мой,
Дорогой ты мой человек!

В середине стихотворения, во вставном фрагменте — из письма

требляет глагол *сгнуть* по отношению к себе и фронтовикам-сверстникам.

Труба введена в «контекст» боя, фронтовой жизни; это не отвлеченный, а вполне конкретный образ. Музыкальный инструмент уподобляется человеческому голосу, охрипшему от напряжения, крика, усталости.

Несмотря на «штрихи» фронтового быта, некоторый натурализм стиля, стихотворение в целом создает у читателя высокое патетическое настроение. Это достигается антитезой *жизнь — смерть*, присущей лирике. *Гром, пальба, призыв, полковая труба, дорога, приказ* представляют лексическое выражение темы жизни, образуя ряд, противопоставленный словам: *могила, сгнуть, гробы, гибель, смерть, мертвые*. Однако в этом непримиримом противоборстве побеждает высокая тема бессмертия («Мы даже смерти выше... потомки говорят»)...

*

Анализ стихотворений П. Когана и Н. Майорова, содержащих сквозной романтический образ, позволяет увидеть, как в разных контекстах от взаимодействия с языковым материалом изменялось его содержание. В целом это свидетельствует об изменении поэтического восприятия в молодой советской поэзии конца 30 — начала 40-х годов в сторону «реализма чувств», что отразилось не только в употреблении разговорной и просторечной лексики, но и в синтаксическом построении фразы, в обращении к белому стиху и верлибру.

Рассмотрение образа *трубача* в системе творчества двух столь несхожих по манере письма поэтов, выявляет постепенный характер перехода от романтических тенденций к реалистическим в лирике П. Когана и более органичное их слияние в стихотворениях Н. Майорова.

Таким образом, даже беглый взгляд на поэзию П. Когана и Н. Майорова дает представление о том, что у образа *трубача* — своя судьба, своя жизнь в русской советской поэзии. Лирика поэтов-фронтовиков П. Когана и Н. Майорова — один из ярких этапов в богатой судьбе этого художественного образа.

О. Н. ПАНЧЕНКО,
кандидат филологических наук

Рисунок В. Толстоногова

